

ЭНН ТАЙЛЕР

ФРАНЦУЗСКАЯ
КОСИЧКА

Перевод с английского
Марии Александровой

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)
Т14

FRENCH BRAID BY ANNE TYLER

Copyright © 2022 by Anne Tyler

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Эта книга публикуется по договоренности
с Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency и The Van Lear Agency

Перевод с английского Марии Александровой

Оформление обложки Елены Сергеевой

Энн Тайлер

T14 Французская косичка: Роман / Пер. с англ. М. Александровой. — М.: Фантом Пресс, 2023. — 352 с.

Новый роман всеми любимого классика. Теплый, чуть ироничный, пронизательный. Это снова путешествие в мир обычной семьи. От 1950-х, когда за окном сигналит сверкающий красный «шевроле», до наших дней, окупившихся в пандемии. Летом 1959 года Гарретты отправляются в свой первый и последний семейный отпуск. Они почти не покидают съемный коттедж, но в каком-то смысле они никогда не были так далеки друг от друга. После той поездки все в семье незаметно, но все уверенней начинают отдаляться друг от друга. Мерси с трудом сопротивляется зуду — она так сильно хочет стать художницей. Но кто тогда будет заботиться о доме, готовить обеды для мужа Робина? Ее дочери, уравновешенная Элис и помешанная на мальчиках Лили, совершенно не похожи друг на друга и не находят общего языка. Их младший брат Дэвид, уехав учиться, почти разрывает связи с семьей. И все же что-то соединяет их всех, несмотря на все разногласия и непонимание, что-то неуловимое. И каждый член этой вроде бы разобщенной семьи оказывает влияние на жизнь всех остальных. Потому что семья — это нечто более глубокое, чем просто родственные отношения, семья — словно французская косичка: ты думаешь, что сбежал от родных, но освободиться от них невозможно, они, точно завитки распущенной косички, все равно сплетены. Полная любви к людям, надежды, радости, смешанной с горечью, «Французская косичка» — это классическая история Энн Тайлер. Удивительно пронизательный роман о семейных безднах, о невозможности освободиться от тех, кто любит нас.

ISBN 978-5-86471-942-8

© Мария Александрова, перевод, 2023
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2023

Вплоть до 1959 года семейство Гарреттов не ездило вместе на каникулы. Робин Гарретт, отец Элис, говорил, что они не могут этого себе позволить. В те давние времена он отказывался даже ненадолго оставить магазин на кого-то чужого. А все дело в том, что магазин принадлежал дедушке Веллингтону. «Сантехническое оборудование Веллингтона» оказалось вверено папиному попечению — крайне неохотно и недоверчиво — после первого инфаркта дедушки Веллингтона. Робин, разумеется, должен был проявить себя, и он вкалывал шесть дней в неделю, а по воскресеньям приносил домой бухгалтерские книги, чтобы мать Элис все проверила — на случай, если он где-нибудь опростоволохился. Будем откровенны: Робин не был прирожденным бизнесменом. Учился он на водопроводчика и, бывало, покупал всякие детали у Веллингтона, только чтобы хоть глазком глянуть на юную Мер-

си Веллингтон за прилавком. Мерси Веллингтон была самым очаровательным существом, какое он встречал в жизни, рассказывал он своим детям, и все сантехники Балтимора сходили по ней с ума. У Робина не было никаких шансов, но иногда чудеса случаются. Мерси, со своей стороны, рассказывала детям, что ее покорило джентльменское поведение Робина.

А потом дедушка Веллингтон умер и магазин перешел к Робину — хотя юридически, конечно, к Мерси, — и все шло по-прежнему: он еще больше времени отдавал работе, навалилось еще больше обязанностей, приходилось следить за каждой гайкой, каждым болтом, и они все так же не могли уехать на каникулы. До того момента, как Робин нанял помощника, которого называл «юный Пикфорд», — добродушного парня, не слишком башковитого, но крепкого как скала. И тогда Мерси сказала: «Итак, Робин, а сейчас я категорически требую: мы всей семьей едем в отпуск».

Лето 1959 года. Неделя на озере Дип Крик. Маленький коттедж в ряду таких же коттеджей, до озера рукой подать. Не совсем у воды, потому что Робин сказал, что это чересчур дорого, но все же довольно близко.

В 1959 году Элис исполнилось семнадцать, то есть возраст, когда путешествие с семьей могло вызывать восторг, давно миновал. А ее сестре Лили было пятнадцать, и она была страстно влюблена

в Джампа Уоткинса, популярного в их школе старшеклассника и чемпиона по баскетболу. Лили заявила, что не может бросить Джампа на целую неделю. И спросила, можно ли Джампу поехать с ними, но Робин решительно отказал. Даже не потрудился объяснить почему, просто сказал: «Чего? Нет» — и все.

Так что девочки ничего хорошего от поездки не ждали. В их жизнь она случилась слишком поздно. А вот для их брата... Дэвиду было всего семь, идеальный возраст для недели на озере. Он был жизнерадостным ребенком, восторженно готовым участвовать в любом новом деле. Едва узнав, куда они едут, Дэвид принялся зачеркивать дни в календаре и планировать, что возьмет с собой. Он, наверное, представлял себе озеро чем-то вроде гигантской ванны, потому что предложил захватить пластмассовые кораблики, деревянную игрушечную яхту и заводного пластмассового водолаза. Мерси пришлось объяснять, что на большой воде они могут потеряться, просто уплыть от него. «Я куплю тебе пластмассовое ведро и совок», — пообещала она. После этого малыш зациклился на другой идее и начал распевать морские песни. «Мой милый за море уплыл...» — выводил он чистым детским голоском, а свою куклу-ковбоя переименовал в Бобби Шафто*. (Он вечно придумывал имена этому

* Персонаж английской детской песенки, красавчик-моряк.

бедолаге, в обнимку с которым засыпал по сей день, но когда к нему в гости приходили друзья, прятал куклу в шкаф.) «Бобби Шафто уплыл по волнам, — пел он, волнообразно размахивая куклой над головой, будто та плывет. — Серебряные пряжки на его сапогах...»

Они выехали утром в субботу, заглянув сначала в собачий приют, где оставили на передержку своего пса Кэпа. За рулем сидела Элис. Она совсем недавно получила права и вечно клянчила, чтобы ей дали порулить, но отец чаще всего отказывал, потому что она слишком «безрассудная», как он говорил. Сегодня, однако, разрешил. Он сел рядом на переднем сиденье, указывая на знаки, повороты и встречные автомобили, которые она прекрасно видела и сама, спасибо большое. Сзади устроились Мерси, Дэвид и Лили — Дэвид в середине, потому что он был еще маленький и выступ на полу под ногами ему не мешал.

Все в семье Гарреттов были блондинами, но Мерси и Дэвиду достались светлые волосы с золотистым оттенком и бело-розовая кожа — очень яркие и выразительные блондины получились (уж Дэвиду это точно ни к чему), а Робин и девочки — потемнее. У всех голубые глаза, и все они невелики ростом, даже Робин. Элис знала, что отец переживает из-за этого, потому что видела, как он расправляет плечи и вскидывает голову, когда в магазине приходилось обслуживать высоких мужчин.

Только что не встает на цыпочки. Элис всегда огорчалась из-за этого, хотя и подозревала, что отец даже не осознает своих произвольных реакций.

Они ехали полдня — и почти все время по сельской местности. Дэвида забавляли лошади, коровы и их потомство, и еще они с мамой затеяли игру, кто увидит больше тракторов, но Лили хандрила, молча сгорбившись на заднем сиденье, и хмуро смотрела прямо перед собой. На подступах к озеру на некоторых домах стали появляться вывески ТУРИСТЫ, будки из рубероида, где торговали наживкой, и гравийные площадки, заставленные моторными лодками с выведенной на ветровых стеклах ценой. Кафешки размером с обычный гараж предлагали жареных цыплят, мясной рулет и ланчи за доллар. Гарретты взяли обед с собой, чтобы поесть, как только прибудут на место, но все же остановились у придорожного фермерского ларька, а потом еще раз у бетонного кубика под громадной светящейся вывеской БАКАЛЕЙНАЯ ЛАВКА ТОЛСТОГО ГАРРИ. Лили не пошла с ними к Толстому Гарри, осталась сидеть в машине, упрямо скрестив руки на груди.

— Вот ты дура, — сообщила ей Элис по возвращении. — Мама разрешила нам купить мороженое, и мы выбрали со сливочной карамелью.

Лили терпеть не могла такое мороженое, она всегда говорила, что вкус у него неправильный. Но

в этот раз никак не отреагировала, только продолжала смотреть в пространство.

Из-за всякой ерунды, что они накупили и к которой теперь добавилось еще и набранное в лавке, последние пять миль путешествия стали совсем уж тяжкими. Багажник был забит чемоданами, постельным бельем и всякой всячиной для художественных развлечений Мерси, поэтому покупки расталкивали по салону автомобиля, и пакеты от «Толстого Гарри» почти совсем скрыли Мерси и Лили, а Дэвиду на колени взгромоздили огромный арбуз. Пол перед Робинотом был почти полностью завален бумажными кулками из фермерской лавки, так что ему некуда было ноги пристроить.

Коттедж пришлось разыскивать, ориентируясь по отпечатанной на ротаторе инструкции, которую прислал им хозяин.

— «Поверните направо на Бак-Смит-роуд, — читал вслух Робин, — проезжайте еще две с четвертью мили. Поверните налево по указателю на «Слипи Вудс»».

«Слипи Вудс» оказался шестью бревенчатыми хижинами, выстроившимися вдоль шоссе, у пары из них на заднем дворе стояли лодки на прицепах. Хижина Гарриеттов была номер 4. Маленький, но удобный коттедж, одноэтажный, одна спальня для девочек, другая для родителей, в родительской спальне стояла и раскладушка для Дэвида.

В гостиной, совмещенной с кухней, пахло дымком от камина, но в спальнях отчетливо воняло плесенью, и Мерси сразу же распахнула окна. Снаружи потянуло ароматом хвои и солнца. Сосновые деревья высились над головой, и под ногами было немножко скользко от опавших бурых иголок. Элис поняла, почему место называется «Слипи Вудс»*. И подумала, что здесь очень хорошо спится.

Первым делом они пообедали, сидя за деревянным столом в кухне, — все умирали от голода. У них были с собой сэндвичи с салатом из тунца и морковные палочки, а на десерт персики из фермерской лавки. Потом Робин принялся разгружать багажник, а Мерси отправила девочек стелить постели, пока она разбирала продукты. Один Дэвид остался без дела, поэтому он пошел на улицу поучить Бобби Шафто лазать по деревьям. Малыш возил куклой по стволам и пристраивал на нижних ветках, напевая: «Он вернется и женится на мнееее...»

Когда багажник опустел, Робин с Дэвидом переоделись и пошли к озеру попробовать воду — Робин в мешковатых красных шортах, футболке и обычных черных туфлях с черными носками, а Дэвид в белом махровом халате, купленном специально для этой поездки, и маленьких коричне-

* *Sleepy Woods* — Сонный Лес (англ.).

вых рыбацких сандалиях. Тропа к озеру оказалась грунтовкой в лесу, две песчаные колеи с полоской травы между ними. Еще несколько минут их удаляющиеся фигуры мелькали в прогалинах солнечного света: Робин с полотенцем на шее и Дэвид, бодро размахивающий своим ведром, так что стук болтающейся внутри лопатки долетал даже до коттеджа.

Пока они застилали постели, Элис попробовала разговорить Лили — «Чур, я у окна» и «Надеюсь, эта койка удобнее, чем кажется на вид», — но Лили не отвечала и не меняла мрачного выражения лица. Закончив, Элис распаковала свои вещи и уложила их в комод («Чур, я занимаю два верхних ящика»), а Лили достала из чемодана блокнот и ручку, завалилась на кровать, подоткнув подушку под спину, и начала писать. Вероятно, Джампу, хотя она не потрудилась объяснить.

Элис сдалась. Она надела купальник, просторную рубашку, подхватила фотоаппарат — новенький «Кодак», который ей подарили на прошлый день рождения, — и вернулась в кухню, где Мерси рыскала по шкафчикам в поисках кувшина для чая, который она только что заварила.

— Я поищу, пока ты переодеваешься, — предложила Элис.

— О, спасибо, дорогая. — И Мерси скрылась в спальне. Спустя несколько минут она появилась в латексном купальнике с оборками — такой

впору носить Эстер Уильямс*, — персиковом кимоно, трепетно распахивающемся спереди, и шлепанцах на пробковой подошве и с огромными помпонами.

— Где Лили? — поинтересовалась она.

Элис, иронически поморщившись, ответила:

— Пишет письмо.

Мерси лишь весело хохотнула. Она, похоже, представляла Лили эдакой красоткой из «Унесенных ветром», с толпой поклонников, ходящих перед ней «на задних лапках», как она говорила.

Они вышли из дома и двинулись по тропе, по которой раньше ушли Робин с Дэвидом. Было жарко, но не то чтобы невыносимо — на добрых десять градусов прохладнее, чем в Балтиморе. В тенистых уголках жужжали насекомые, наверху в ветвях шуршили белки.

Озеро оказалось больше, чем ожидала Элис. Другой берег видно, но очень далеко, здесь же береговая кромка изгибалась влево и скрывалась в зарослях кустов, а дальше, видимо, опять тянулось озеро. Грузная тетка разлеглась на полотенце, загорала; пожилой мужчина, полностью одетый, сидел в шезлонге в дальнем конце шатких мостков. В воде видно было только Робина, уверенным брассом плывшего параллельно берегу, лицо его вы-

* Американская пловчиха и актриса, звезда «аквамюзикла» 1940-х и 1950-х годов, ее называли «Американской русалкой».

ражало неумолимую решимость. Дэвид наблюдал с берега. Он снял халат, но стоял у края воды абсолютно сухой — совершенно очевидно, даже палец не намочил.

— Как тебе озеро? — спросила Мерси, подходя сзади.

Малыш обернулся и спросил:

— Папа утонет?

— Нет, нет, нет, — заверила она. — Папа *отлично* плавает.

Дэвид снова повернулся к воде и продолжил наблюдать за отцом.

— Собираешься окунуться? — спросила его Элис.

— Скоро.

— Хочешь, пойдем вместе?

— Нет, все нормально.

Элис сбросила рубаху на песок рядом с фотоаппаратом.

— Ну ладно. — И медленно вошла в воду.

У берега вода была совсем теплой, но чем дальше она заходила, тем прохладнее становилось, а когда Элис наконец погрузилась целиком, от холода даже перехватило дыхание.

Отсюда берег напоминал прелестную картинку из маминого альбома французской живописи: старик в гигантской соломенной шляпе на старом причале, дама на песке — просто цветная полоска; Дэвид, присевший на корточки перед своим

ведерком. Мерси, осторожно ступая, шаг за шагом входила все глубже в воду и наконец оттолкнулась и поплыла — гораздо более изящным брасом, чем Робин. В детстве она все каникулы проводила в Оушен-Сити, в этом все дело. И уверенно чувствовала себя в воде. Но, проплыв всего несколько ярдов, она остановилась.

— Давай же! — окликнул Робин.

— Не хочу голову мочить. — Волосы у нее сохли целую вечность, такие густые и вьющиеся, с локонами, выпадающими из пучка, уложенного на макушке. — Я, наверное, прихвачу скетчбук и прогуляюсь по лесу. Присмотришь за Дэвидом?

— Конечно. Поучу его плавать, как думаешь?

— Отлично. — Мерси развернулась и пошла к берегу, широко раскинув руки в стороны, и кисти чуть вспорхнули вверх маленькими птичками, а в это время далеко в стороне, на опушке леса, появилась маленькая фигурка Лили, которая, прикрыв глаза ладонью от солнца, наблюдала за ними. Но ближе не подходила. Она даже не стала надевать купальник и почти сразу развернулась и вновь скрылась из виду.

Вот в чем разница между этой сценой и теми, что у французских художников, подумала Элис, — на их картинах люди что-то делают вместе, устраивают пикник или катаются на лодках, а здесь все по отдельности. Даже ее отец, который сейчас плывет к берегу всего в нескольких ярдах от нее. Со

стороны ни за что не подумаешь, что Гарретты вообще знакомы друг с другом. Каждый сам по себе, и выглядят такими разобщенными, такими одинокими.

Все трое детей, даже Дэвид, знали, что их мать терпеть не может возиться на кухне. Сама она утверждала, что *любит* стряпать, но имелось в виду, что ей нравится готовить исключительно сладкое. И десерты у нее действительно выходили изысканные — не какое-то там печенье или шоколадный пудинг, а хрустящие трубочки, наполненные взбитыми сливками, или пышные меренги, усеянные засахаренными фиалками. Штучки, которые она подавала своим ухажерам в юности, подозревала Элис. На вид восхитительно, но дети такое обычно не едят.

Да и Робин тоже, хотя он никогда не сознавался. При виде очередной кружевной стряпни он, бывало, восклицал: «О, дорогая! Да как же ты это *сотворила?*» Но ограничивался всегда только маленькой ложечкой.

В итоге Элис играла на кухне гораздо более важную роль, чем большинство девочек ее возраста. Сначала она умела только открывать банки «Динти Мур»* и варить сосиски, но постепенно перешла к простым запеканкам и тушениям,

* Популярная марка консервированных супов.

а потом освоила рецепты из женских журналов и кулинарных разделов газет — блюда со словами *espagnol* или *à la française* в названиях. «Ух ты, милая! — говаривал отец, бедняга. — Неужели это ты приготовила?» Сам-то он был из простых любителей мяса с картошкой. Но Элис знала, как он благодарен, что она подключилась к кухонным делам.

На первый их ужин на озере — Мерси еще не вернулась с этюдов, а Дэвид от голода уже капризничал — Элис разогрела консервированную солонину, посыпала сверху тертым чеддером и сухой приправой из склянки, которую нашла в буфете. (Предыдущие жильцы оставили кучу всякой всячины: джемы, сухие бобы, соусы для барбекю и разные загадочные баночки, которые она намеревалась исследовать.) Она порезала несколько фермерских огурцов и заправила их смесью кукурузного масла и яблочного уксуса. А Дэвид кланчил хоть что-нибудь, чтобы не умереть с голоду прямо на месте. Крекеры, печенье, «хоть что-то!» — трагически восклицал он, но удовлетворился предложенным ломтиком огурца.

— Где твоя мать? — вопрошал отец. Это его постоянный рефрен: «Где она может быть?»

— Рисует, — отвечала Элис. — Давайте начинать без нее.

Она расставила на столе тарелки, пересчитала приборы и как раз искала салфетки, когда поняла,